

Слухи о том, что Ли-ван искалечил своего Ванфэй, быстро затмили пересуды вокруг поместья Чжу, однако это ничуть не облегчило участь Чжу Жуйхуна.

В день Великого утреннего приёма лицо министра было землисто-серым. Покидая дом, он уже отчётливо представлял, сколь унижительным нападкам подвергнется во дворце. За последние пару дней на его имя поступило немало доносов; пока это были лишь жалобы на незначительные проступки, и император Юнсюань ещё не вынес по ним решения. Однако Чжу Жуйхун не сомневался: на совете политические противники не упустят случая ударить по нему в присутствии самого государя.

С тех пор как позорная история о делишках Чжу Цзычжэня и госпожи Ху стала достоянием общественности, глава семейства избегал показываться на людях. Редкие встречи с коллегами превращались в пытку: он кожей чувствовал их косые, полные двусмысленного любопытства взгляды. После того как супруга опозорилась на Празднике любования хризантемами, внимание к его персоне стало ещё более пристальным и ядовитым.

Положение спасало лишь высокое звание: большинство чиновников предпочитали злословить за спиной, и лишь немногие решались на открытые насмешки. Но для человека столь самолюбивого, как Чжу Жуйхун, даже шепотки были подобны казни.

Хуже всего было то, что за напускным безразличием министра скрывался холодный страх. Он понимал: рано или поздно наступит развязка. Доносы могли лежать под сукном лишь до поры, а те, кто мечтал сместить его с должности, вряд ли упустят столь щедрый подарок судьбы.

В прошлый раз выходку госпожи Ху удалось замять, сославшись на «одержимость злыми духами». К тому же император Юнсюань, чувствуя вину за то, что выдал Чжу Цзылина за Ли-вана, был склонен к милосердию и предпочёл закрыть глаза на инцидент.

Но на этот раз всё было иначе. Чаша императорского терпения, подкреплённая желанием загладить вину, была исчерпана. Теперь госпожу Ху обвиняли не просто в неприязни к пасынку, а в злоупотреблении властью и притеснении простого люда ради корыстных интересов — а это те самые грехи, которые сильнее всего задевали подозрительность государя.

Враги Чжу Жуйхуна понимали это не хуже его самого. На грядущем совете они вряд ли ограничатся мелкими упрёками. В этот раз у него не было оправдания вроде «наваждения», и если государь откажется его выгораживать, о месте Гэлао можно будет забыть навсегда.

Стоило министру подумать об этом, как гнев вскипал в его груди с новой силой. Ему хотелось немедленно вернуться домой и отвесить ещё пару оплеух виновникам своего краха — жене и сыну.

В тот день, когда он вернулся и столкнулся у ворот с долговыми вышибалами, лишь ярость не

позволила ему лишиться чувств. Приказав запереть ворота, он ледяным тоном бросил:

— Приведите ко мне супругу и второго молодого господина!

Управляющий, запинаясь, пробормотал:

— Госпожа... госпожа только что приняла лекаря и сейчас поживает...

— Поживает?! После того что она натворила, у неё хватает наглости отдыхать?! — глаза Чжу Жуйхуна налились кровью. — Превосходно. Посмотрим, насколько она «больна», раз нашла силы для таких безумств!

Он ворвался в покои госпожи Ху без предупреждения. Не говоря ни слова, министр схватил со стола чашку и с силой швырнул её на пол — фарфор разлетелся на тысячи мелких осколков.

Бледная госпожа Ху, и без того пребывавшая в смятении, вздрогнула всем телом.

— Господин... — пролепетала она, глядя на охваченного яростью мужа. Она не знала, как оправдаться; её лицо выражало крайнюю степень испуга и болезненной слабости, словно малейшее давление могло её окончательно сломить.

Но в сердце Чжу Жуйхуна не осталось и капли жалости.

— Говори! — отрезал он. — Зачем ты сегодня ходила в ту лавку?!

Госпожа Ху впервые видела мужа в таком состоянии. Его гнев был куда страшнее, чем она могла вообразить.

— Я... я... — она окончательно потеряла голову и, заливаясь слезами, выкрикнула: — Меня подставил этот бесчестный лавочник! Господин, умоляю, разберитесь!

— Подставил? — Чжу Жуйхун горько усмехнулся. — Тебя, супругу министра, сумел обмануть какой-то жалкий владелец ломбарда?! О, прошу, продолжай. Мне чертовски интересно послушать, как именно он тебя «обставил».

Госпожа Ху осеклась. Она хотела было начать объяснения, но тут же вспомнила, что всё это тянет за собой историю о карточных долгах Цзычжэня и краже семейных ценностей. Ради спасения любимого сына она не смела вымолвить ни слова.

Видя её колебания, Чжу Жуйхун окончательно убедился, что она лжёт.

— Значит, даже сейчас ты не желаешь говорить правду? — Он ледяным взглядом обвёл слуг. — Кто сопровождал госпожу сегодня?

В комнате повисла гнетущая тишина.

— Говорите! — рявкнул министр. — Что произошло на самом деле?!

Его холодный взгляд скользил по лицам присутствующих.

— Любой, кто посмеет что-то скрыть, получит по пятьдесят палок! Если никто не признается — бить будут всех без разбору!

— И где этот негодник, мой сын? — Жуйхун снова взглянул на управляющего. — Притащить его сюда немедленно!

Повернувшись к застывшей госпоже Ху, он прошипел:

— Ты устроила этот позор в ломбарде только ради того, чтобы покрыть долги этого паршивца, не так ли? И ты всё ещё смеешь что-то скрывать от меня?!

Госпожа Ху лишилась дара речи, осознав, что муж уже в курсе всего. Её губы дрожали, в глазах застыл ужас.

— Всё ещё молчишь?! — Чжу Жуйхун с силой пнул стул, опрокинув его.

Не в силах больше противиться, госпожа Ху, всхлипывая, выложила всё как на духу.

В этот момент в покои ввели Чжу Цзычжэня. Увидев разгневанного отца, тот невольно съёжился и попытался найти защиту у матери, но стоило ему только взглянуть на неё, как Чжу Жуйхун ударил его ногой, повалив на пол.

— На колени!

Узнав, что сын проиграл семь тысяч лянов и тайком выносил вещи из дома, Жуйхун окончательно утвердился в мысли, что именно этот трусливый юнец — корень всех бед. Глядя на его жалкий вид, министр не сдержал проклятий:

— Всё ещё озираешься по сторонам?! На колени и отвечай за каждое слово! Когда ты начал играть? Сколько ещё ты задолжал в этих притонах?!

Чжу Цзычжэнь ожидал, что отец в ярости может переломать ему ноги, но удар был куда

сильнее, чем он предполагал. Дрожа всем телом, он пролепетал:

— Всего... всего полмесяца назад... Я проиграл совсем немного...

— Немного?! — Жуйхун едва не задохнулся от возмущения. — Долговые вышибалы из игорного дома принесли к моему поместью расписки на двадцать тысяч лянов!

— Сколько ещё счетов в пути?! А?!

Министр снова пнул стул, который на этот раз отлетел прямо в Цзычжэня. Тот вскрикнул от боли. Видя, что отец превратился в сущего демона, юноша в панике закричал:

— Больше нет! Клянусь, папа, только эти двадцать тысяч! Это правда!

Госпожа Ху, видя страдания сына, не выдержала:

— Господин... Чжэнь-эр просто стал жертвой заговора! Лавочник намеренно нас подставил, он наверняка в сговоре с игорным домом! Мальчик просто неопытен и попал в ловушку, зачем вы так жестоки с ним...

Она бросилась к мужу, надеясь вымолить пощаду, но Чжу Жуйхун наотмашь ударил её по лицу.

— Глупая баба!

— Даже если его и подставили — если бы он не попёрся играть, никто бы не заставил его подписывать расписки!

— И ты! Твоя глупость — самое худшее из всего этого!

Госпожа Ху замерла, прижав руку к горячей щеке. Она не могла поверить, что муж ударил её на глазах у слуг. С самой свадьбы, когда Жуйхун был ещё мелким чиновником, он носил её на руках, а теперь, став министром, позволил себе такое унижение?

Но Жуйхуну было плевать на её чувства.

— Этот неблагодарный щенок залез в долги, а ты не только скрыла это от меня, но и побежала в ломбард, выкрикивая на каждом углу титул супруги министра! У тебя в голове хоть капля мозгов осталась?!

— Ты хоть представляешь, какие слухи теперь ползут по городу?! Как это ударило по моей репутации?!

Он мёртвой хваткой вцепился в плечи жены и, приблизив своё лицо к её лицу, прорычал сквозь зубы:

— О долгах этого паршивца ещё можно было бы забыть. Но из-за твоего скудоумия теперь все твердят, что я не способен навести порядок в собственном доме, что я погряз в коррупции и недостоин чести! Это станет препятствием на моём пути к титулу Гэлао!

— За что мне досталась жена, которая рушит мою карьеру в самый ответственный момент?!

— Если из-за твоих выходок я лишусь места Гэлао, клянусь — я разорву все связи с поместьем Бо Сяовэня!

— Чжу Жуйхун... что ты такое говоришь?! — Госпожа Ху вскинула голову, глядя на него с нескрываемым ужасом. — Ты... ты хочешь развестись со мной?!

— Я прожила с тобой столько лет, родила тебе сына, вела твоё хозяйство... И ты хочешь вышвырнуть меня из-за такой мелочи?! — Её голос сорвался на визг. — Какое из семи правил развода я нарушила?! Как ты можешь так поступать со мной?! Неужели у тебя нет совести?!

— Насколько оправдан будет развод, я знаю лучше тебя, — холодно парировал Жуйхун. — Ради нашей долгой жизни я даю тебе последний шанс. Но если ты ещё раз сотворишь нечто подобное — не жди, что я пожалею разводного письма.

Он оттолкнул жену и посмотрел на окончательно онемевшего от страха Цзычжэня.

— Принести розги!

— Мало того что он игрок, так ещё и вор! Обокрал собственный дом и опозорил моё имя! Сегодня я выбью из тебя эту дурь!

На этот раз никто не посмел вмешаться. Даже госпожа Ху, охваченная оцепенением, молчала, пока её сына пороли бамбуковым удилищем. Чжу Цзычжэнь истошно кричал, умоляя о пощаде, но отец был неумолим. Когда юноша попытался уклониться, Жуйхун приказал слугам держать его, и удары стали ещё тяжелее.

Лишь когда сын начал терять голос от боли, госпожа Ху снова бросилась на защиту, закрывая его своим телом.

— Хватит! Ты же убьёшь его! Он твой родной сын, неужели тебе совсем не жаль его?!

— От пары ударов не умрёт, — Жуйхун брезгливо приказал слугам оттащить супругу. — Чжу Цзылину ещё десяти не было, когда он получил свои двадцать-тридцать плетей, а этот лоб уже

взрослый — вытерпит.

— Уведите её, — нахмурился министр. — Этот бездельник стал таким только из-за твоего потакания.

— Ты мнишь себя хозяйкой поместья, а сама без зазрения совести тратила приданое покойной Нин Вань. Из-за этого даже свадьба Чжу Цзылина заставила нас затянуть пояса!

— Ни воспитать детей, ни управлять домом ты не способна. Если я подам на развод, твой отец, Бо Сяовэнь, меня поймёт.

— Ты... ты... — слова мужа ударили госпожу Ху в самое больное место. От гнева и обиды её лицо стало мертвенно-бледным, дыхание перехватило.

Ведь Жуйхун сам молчаливо одобрял использование приданого Нин Вань! А денег в доме не хватало лишь потому, что министр пёкся о своей «кристальной честности» и не желал искать сторонних доходов. Она тянула это хозяйство как могла, и другие знатные дамы всегда ставили её в пример!

Ещё недавно супруг хвалил её за порядок в доме, а теперь швыряет такие обвинения... О, как быстро меняются маски, стоит подуть ветру неудачи!

В глазах госпожи Ху вспыхнула затаённая ненависть, но Жуйхун не обратил на это внимания. Он продолжал пороть сына до тех пор, пока силы не оставили его самого. Отбросив розги, он тяжело дышал.

— С этого дня и в ближайшие два месяца молодому господину и госпоже запрещено покидать пределы поместья!

— Любой, кто поможет им нарушить приказ, получит пятьдесят палок и будет вышвырнут на улицу!

Глядя на жалкую, избитую фигуру сына и заплаканную жену, он холодно добавил:

— Ступайте в храм предков. Будете стоять там на коленях и замаливать свои грехи, пока дело не уладится!

Бросив это, он в ярости покинул покои.

Госпожа Ху смотрела ему вслед, а затем перевела взгляд на стонущего Цзычжэня. Впервые она почувствовала жгучую ненависть к человеку, за которого когда-то умоляла отца выдать её замуж.

Жуйхун жалел, что женился на ней? Нет, это ей стоило тысячу раз проклясть тот день, когда она связала свою жизнь с этим ничтожеством!

Сам Чжу Жуйхун ещё не подозревал о зародившейся вражде. Несмотря на расправу над близкими, он решил проверить слова жены о «ловушке».

Но его надежды не оправдались. Слуги поместья не были опытными ищейками и не смогли найти ничего подозрительного. Хотя Жуйхун и чувствовал, что ломбард вряд ли был кристально честен, все документы были в полном порядке, а расписки — подлинными. Зацепиться было не за что.

Но даже при наличии законных бумаг обычный лавочник должен был пойти на уступки супруге министра. Если бы за его спиной не стоял кто-то очень влиятельный, он бы продал вещи за полцены, чтобы не портить отношения.

Однако лавочник не только отказал, но и намеренно раздул скандал, который мгновенно разлетелся по улицам. Это явно было спланированным ударом.

Чжу Жуйхун заподозрил конкурентов за место в павильоне старейшин. Он приложил немало сил и выяснил, что за ломбардом стоят люди Цзинь-вана. Чжу Жуйхун ломал голову: у него никогда не было конфликтов с этим принцем.

Единственное логичное объяснение, которое он смог найти, было политическим.

Сейчас, когда Ли-ван фактически выбыл из борьбы за престол, противостояние между Цзинь-ваном и Юй-ваном обострилось до предела. Тесть Жуйхуна, Бо Сяовэнь, открыто поддерживал Юй-вана. Вероятно, Цзинь-ван решил, что и сам министр принадлежит к этому лагерю, и решил нанести превентивный удар, не давая ему стать Гэлао.

Чжу Жуйхун чувствовал себя загнанным в угол. Он всегда старался держаться середины, оберегая свою шкуру, но всё равно оказался под ударом.

И снова — всё из-за связей госпожи Ху! Если бы Юй-ван победил, он бы пожал плоды этой связи, но сейчас, когда чаша весов ещё не склонилась ни в одну из сторон, он получал лишь удары. Недовольство женой росло в нём с каждым часом.

Утром он почти решился сказать больным и не идти на совет, но здравый смысл победил: бегство лишь усилит гнев императора. Лучше повиниться сразу.

Скрепя сердце, он взял заранее подготовленное прошение о помиловании и отправился во дворец. Встречные чиновники провожали его многозначительными взглядами, от чего лицо Жуйхуна каменело всё больше.

Даже Юй-ван, встретив его, нахмурился:

— Министр Чжу, кажется, в последнее время в ваших делах царит беспорядок. Столь досадные упущения...

Хотя Чжу Жуйхун официально не примкнул к его фракции, Юй-ван через поместье Бо Сяовэня уже считал его своим человеком и не желал терять ценную фигуру.

Прошлые нападки госпожи Ху на Чжу Цзылина принц считал полезными для своего плана, но нынешний скандал бил по самому министру, и это ему не нравилось. Жуйхун же, считая себя жертвой интриг Цзинь-вана, ответил сухо:

— Благодарю Ваше Высочество за заботу. Я был слишком занят государственными делами и не заметил, как мелкие людишки воспользовались моментом.

Юй-ван хотел было спросить что-то ещё, но Жуйхун, сославшись на нехватку времени, поспешил в зал.

Принц недовольно поджал губы. В этот момент он почувствовал на себе чей-то ледяной взгляд. Резко обернувшись, он столкнулся глазами с Жун Чжао. Князь смотрел на него без тени эмоций, словно на пустое место, а затем равнодушно отвернулся.

Но от этого мимолётного взгляда Юй-ван ощутил, как по спине пробежал холодок. Он стиснул зубы, глядя на удаляющуюся фигуру брата. Вспомнив утренние сплетни из лекарской академии, принц криво усмехнулся. План созрел сам собой.

На совете, как только закончилось обсуждение важных дел, соперники Жуйхуна перешли в атаку. Они описывали его проступки в самых мрачных красках. Лицо императора Юнсюаня темнело с каждым словом.

— Министр Чжу, что вы на это скажете? — голос государя был полон холода.

Жуйхун, проглатывая обиду от язвительных замечаний коллег, не стал оправдываться. Он пал ниц перед троном.

— Ваш покорный слуга виновен в том, что не сумел наставить свою супругу на путь истинный. Её недостойное поведение навлекло позор на мой дом. Я готов смиренно принять любое наказание, которое назначит Ваше Величество.

Видя такую покорность, император немного смягчился. Но тут подал голос цензор Чжан:

— Значит ли это, что министр Чжу признает использование своего положения для

притеснения честных подданных?

— Министр Чжу? — император снова нахмурился.

— Я признаю, что был плохим главой семьи, — не поднимая головы, проникновенно отозвался Жуйхун. — Но в подобных преступлениях я невиновен. Моя честность известна всем. Моя супруга лишь сорвалась на грубость в минуту слабости, но в её сердце никогда не было тех злых намерений, которые приписывает мне господин цензор Чжан.

— Значит, вы просто отрицаете очевидное?! — не унимался цензор Чжан. — Если бы в вашем доме не царил дух вседозволенности, разве посмела бы ваша жена так вести себя прилюдно? Кто знает, сколько ещё подобных бесчинств скрыто за стенами вашего поместья!

— Это пустые обвинения! — Жуйхун вскинулся, в его голосе зазвучала праведная обида. — Моя совесть чиста, и я заявляю, что всё сказанное вами — лишь злобные домыслы! Если не верите — проверяйте сами!

— О, мы обязательно проверим! — парировал оппонент. — Но нынешний позор уже не смыть. Весь город говорит о том, как министр попирает законы ради выгоды. Вы обязаны дать ответ народу!

Спор разгорался всё сильнее. Император Юнсюань молча наблюдал за перепалкой, пока в зале не раздался неожиданный голос:

— Мне кажется, не стоит делать из мухи слона. Слухи — вещь ненадёжная, люди любят приукрашивать действительность.

Юй-ван улыбнулся, словно говоря о пустяках.

— В конце концов, сейчас вовсе болтают и о том, что мой четвёртый брат избил своего Ванфэй до полусмерти, оставив его тело покрытым ранами.

В зале воцарилась гробовая тишина. Присутствующие оцепенели, а затем начали украдкой коситься на Жун Чжао, который до этого момента казался абсолютно безучастным к происходящему.

Ли-ван медленно поднял глаза. Его взгляд, полный мрачной, пугающей ярости, впился в Юй-вана.

— И какой же кретин распускает подобные слухи? — прошипел он, и от его голоса по залу потянуло могильным холодом.

<http://bllate.org/book/15829/1442476>